Линь Чу больше не мог собрать энергию, чтобы разозлиться. Прочитав послание Лу Вайнинга, она почувствовала только безмолвие.

Она чувствовала, что Лу Вайнинг был как какой-то психически больной, который ошибался в голове и разговаривал сам с собой.

Она заблудилась в мыслях на мгновение, когда пришло ещё одно послание от Лу Вайнинга. "Линь Чу, я знаю, что тебе тяжело принять всё это сразу. Пока ты успокоишься и будешь думать об этом как следует, ты поймёшь, что то, о чём я говорю, имеет смысл".

Линь Чу закатила глаза; этот Лу Вайнинг был довольно быстрым машинистом.

Боясь, что она будет посылать больше сообщений, Линь Чу быстро занесла в чёрный список телефонный номер Лю Вайнина.

В конце концов, её телефон замолчал. На слова Лу Вайнинг не повлияли, она успокоилась и сосредоточилась на своей работе.

Когда Ян Бэйчэн зашла за ней той ночью, она вообще не упомянула об этом инциденте.

Упоминание об этом только расстроило бы Ян Бэйчэн. Тот факт, что она не могла помочь с работой Ян Бэйчэн, был фактом, который она могла признать, был правдой, поэтому не было необходимости в таком тривиальном деле, как это, чтобы вызвать стресс у Ян Бэйчэн за пределами работы.

С тех пор, как он ушел с работы, больше не было необходимости упоминать о вещах, которые его расстраивали.

Лю Вайнинг была ничем иным, как небольшим расстройством, и она могла справиться с ним просто отлично. Если он все-таки обострится до такой степени, что она больше не сможет с этим справляться, то будет еще не поздно рассказать об этом и Ян Бэйчэн.

…

Однако Линь Чу не знала, что старый директор получил письмо от начальника районного отделения Ян, который лично доставил ей это письмо.

Когда приехал начальник Ян, старый директор был в восторге и страстно приветствовал начальника Ян.

Однако старому директору не потребовалось много времени, чтобы заметить, что Супервайзер Ян выразила свое несогласие.

Обычно, когда навещала Ян, она все улыбалась и сразу же спрашивала о детях, как только входила в дверь. Однако в этот раз супервайзер Ян колебалась, как будто ей было трудно объяснить что-то, что было на кончике ее языка.

Она продолжала тайком смотреть на старого директора только для того, чтобы быстро отвести взгляд каждый раз, как будто она не осмеливалась смотреть ей в лицо.

"Сяо Ян, садись". Старый директор указал на диван. "Я налью тебе чаю, я только что вскипятил воду."

"В этом нет необходимости." Старший директор Ян остановил старого директора и продолжил: "Тебе тоже стоит присесть. Мне будет очень стыдно, если я выпью и твой чай сегодня."

Тот факт, что супервайзер Янг сказала такие слова, заставил сердце старого директора остановиться на секунду, и у нее сразу же появилось плохое предчувствие.

Избавившись от любезностей, она тут же села и посмотрела на старшего директора Яна нервно и смущенно. "Что случилось? Это серьезно?"

Старший инспектор Ян взглянула на старого директора и открыла рот, но перед тем, как достать письмо из сумки, она только вздохнула.

Старый директор спросил: "Это для меня?"

Старший директор Ян ничего не сказала и просто кивнула головой с тяжелым выражением лица.

Старый директор положил ее руку на боковую сторону дивана и приготовился встать. "Тогда мне придется забрать свои очки для чтения, иначе я не смогу прочитать их четко, так как слова слишком малы".

"В этом нет необходимости, я объясню вам", - сказала супервайзер Янг. Так как они уже собирались говорить об этом, ей уже не составит труда объяснить это".

Старый директор поселился у нее на месте и с опаской посмотрел на начальника Янг.

Старший научный руководитель Янг чувствовала себя чрезвычайно ужасно, так как старому директору уже было хорошо в ее годы, но с ней должно было случиться нечто подобное. Ее глаза уже начали отекать, а она еще не заговорила.

"Наша область вокруг... Разве вокруг приюта нет жилого района, и это место заполнено только

несколькими старыми домами? Дома старые и маленькие, но у них очень большие дворы. Ничего бы не случилось, если бы они находились в более пустынном районе, но, к сожалению, они расположены в довольно хорошем районе, что делает их пустой тратой большого пространства. У правительства есть планы по реструктуризации территории и строительству новых коммерческих и жилых зданий. Все эти здания будут многоэтажными, так как это означает, что там сможет остаться больше людей. Говорят, что участок земли очень дорогой, поэтому они не могут позволить себе тратить даже крохотный кусочек земли. Так что...

"Значит, детский дом тоже будет снесен?" спросил старый директор, ее глаза широко расставлены. Она не могла удержаться от дрожания, которое обмотало все ее тело, ее руки и ноги остыли.

Как только начальник Ян торжественно кивнула головой, старый директор спросил дрожащими губами. "Если это место будет снесено, то как насчет детей? Куда они пойдут?"

"Похоже... они переедут в пригород. Там есть сиротский приют, так что всех детей туда отправят, но что касается вас и персонала... Боюсь, следовать за ними - это не вариант, так как у них там больше, чем достаточно персонала". Как сказала супервайзер Ян, она не могла помочь тяжести в сердце. Взрослые были в порядке, но старому директору было хорошо в ее годы, хотя она могла жить где угодно, так как у нее была пенсия.

Если бы не дети, старому директору действительно не нужно было бы здесь находиться.

Что касается остальных сотрудников, то все они были взрослыми, хотя и не такими уж и молодыми. До тех пор, пока у них не было больших ожиданий, им было бы нетрудно найти другую работу в это время года.

Хуже всего это восприняли бы дети; внезапно их отправили бы в незнакомое место, чтобы встретиться с незнакомыми людьми.

Не было возможности узнать ни характеры персонала, который там работал, ни личности детей, которые там останавливались.

Кроме того, издевательства происходили где угодно, особенно среди детей. Издевательства между взрослыми, как правило, никогда не были откровенными, в основном, это были мелкие действия за спиной. Кроме того, взрослые всегда были более расчетливыми, поэтому издевательства можно было упрекнуть или терпеть.

Как бы то ни было, Мо Цзиньси и остальные здесь выросли, так как все они были детьми, как бы они пережили такие вещи? Всем здесь никогда не приходилось терпеть никаких прегрешений, все они были так близки, как семья.

Однако, никто бы не заботился о них, если бы они там ошибались. Возможно, им даже приходилось бы драться за еду и одежду, или они могли бы проголодаться, если бы немного

опаздывали.

Более того, начальник Ян слышал, что персонал этого приюта не так доброжелателен, как здесь. Старый директор руководил здесь всем, не говоря уже о том, что все они провели друг с другом более десяти лет, так что между сотрудниками, безусловно, были связи, поэтому они относились к детям доброжелательно и искренне. Там все было по-другому, большинство сотрудников относились к своей работе, как к работе, так что они никогда не отдавали все свои силы, чтобы должным образом относиться к детям.

Если бы Мо Цзиньси и остальных отправили сюда, они бы точно страдали. Сердце начальника Яна уже болело для них, поэтому старый директор, наверное, чувствует боль в десять раз сильнее.

К счастью, детей сегодня не было рядом, они все были в школе. Младшие, которые еще не были в школьном возрасте, были вместе с учителем Вангом, поэтому они не могли подслушать разговор здесь.

"Если это так, то что будет с детьми?" Глаза старого директора начинали поливать. "Этот детский дом здесь уже много лет, и его никогда раньше не сносили, так почему же сейчас? Чтобы заработать деньги, разве у этих людей больше нет ни совести, ни человечности? Они когда-нибудь думали о детях? Они всегда заставляют нас проходить через все эти неприятности ради наших средств, поэтому, к счастью, мы все еще можем рассчитывать на поддержку добрых людей. Теперь они думают, что мы беспокоимся, это..."

Супервайзер Янг не могла не вздыхать. "Но что еще мы можем с этим поделать? Мы всего лишь обычные граждане, так что мы всегда были не в состоянии ничего сделать. Кроме как принять это, что еще мы можем сделать? Застройщик, отвечающий за все это, придет днем, чтобы поговорить со всеми о деталях".

Так как детский дом не считался личной собственностью, компенсации за снос также не будет.

"Подождите". Супервайзер Янг вдруг почувствовала, что в ней появилась надежда. "Разве Линь Чу не встречается сейчас с каким-то способным человеком? Почему бы не рассказать об этом Линь Чу и не посмотреть, что её парень может для нас сделать?"

Старый директор открыл ей рот, прежде чем закрыть его снова. Очевидно, что у неё были проблемы и она не могла сразу принять решение.

Линь Чу, должно быть, чувствует огромное давление, когда встречается с Ян Бэйчэн. Когда в последний раз праздновали день рождения Ян Нинбай, она могла сказать, что не все приняли Линь Чу.

Мать и младшая сестра Ян Beicheng не приняли ее, и была та женщина Lu, которая имела ее жадные глаза, брошенные на Ян Beicheng.

Хотя мать Ян Beicheng не присутствовала на вечеринке, из слов Ян Чжицина было очевидно, что мать Ян Beicheng не любила Lin Chu и даже хотела разорвать их на части.

Таким образом, старый директор не хотел давить на Линь Чу еще больше и причинять ей еще больше неприятностей. Казалось бы, что приют будет дополнительным багажом на ее свидании с Ян Бэйчэн.

Хотя Ян Бэйчэн никогда не имел никакого мнения по этому поводу, что если бы он имел? Что, если семье Янь тоже это не понравится?

Тем не менее, она не могла позволить детям страдать только из-за чего-то подобного. Старый директор застрял между камнем и твердым местом.

В этот момент снова зазвонил дверной звонок. Старый директор заглянул в окна гостиной, чтобы проверить ворота во дворе, и увидел там только трех женщин. Зрение старой директрисы было не таким острым, как раньше, поэтому она могла лишь бледно сказать, что средняя немного старше остальных.

Старый директор как раз собирался встать, чтобы открыть дверь, когда появился Учитель Юань, чтобы остановить ее. "Все в порядке, я открою".

Она только что была на кухне и услышала все, что сказал директор Ян. Честно говоря, она тоже беспокоилась о собственном будущем. Первоначально она думала, что это будет стабильная работа, и, несмотря на более низкую, чем обычно, зарплату, это была удобная работа, которая ничуть не утомляла.

Все были счастливы вместе, и их узы были сильнее всего на свете.

В то же время, ее сердце болело и для детей. Это было практически то же самое, что выгнать их из дома и отправить к незнакомцам.

Все они были сиротами без семьи, поэтому, несмотря на то, что выглядели оживлёнными и жизнерадостными, были и моменты ранимости, так как ни у кого из них не было настоящего дома. Теперь они вдруг не могли больше оставаться в том месте, в котором выросли, и у них не было выбора, кроме как переехать в чужое место, где они никого не знали, вдали от жизни, которую они когда-то знали, и от людей, которые их сопровождали.

Учитель Юань мог видеть, как потерянные и растерянные дети будут. Она могла видеть, как Тянь Тянь плачет от страха, видеть, как Ши Ту и Мо Цзиньси отчаянно сдерживают свои слезы, как они успокаивают Тянь Тянь своими слезливыми глазами и слезливыми носами.

Она не могла больше представлять себе это или просто плакать. Она не знала, как встретиться с детьми позже.

Как только Мо Цзиньси и Ши Ту вернулись из школы, она не знала, как сообщить им эту новость.

У неё в голове были лица детей, её сердце было тяжёлым. Когда она подошла к входу в детский дом, то увидела трех женщин, которые стояли снаружи через железный забор. Средняя была чуть старше двух других.

У нее были похожие черты с другой женщиной, поэтому она догадалась, что это могут быть мать и дочь.

Самая старшая из троих довольно хорошо себя поддерживала, не похожая ни на кого, у кого была такая взрослая дочь.

Судя по тому, как они были одеты, было очевидно, что они из богатой семьи. Младшая женщина, у которой были общие черты со старшей, выглядела высокомерно, так как она постоянно сканировала приют с гордым взором, как будто приют был трущобой.

Она выглядела так, как будто чувствовала, что все грязно, и ей негде было стоять и не на что смотреть, как будто ее присутствие здесь было смущением.

Настроение учителя Юаня упало, когда он заметил отношение женщины. Изначально у нее была вежливая, но восторженная улыбка на лице, но теперь ее уже не было; она даже не хотела приглашать их.

Она смотрела на старшую женщину, и хотя высокомерие на лице этой женщины было не так выражено, как у младшей, в ее глазах было явное презрение, смотревшее в сторону приюта.

Как будто...

Как будто детский дом - никчемный объект, с которым она может справиться, как считает нужным. Она носила себя уверенно, как будто держала в руках жизнь и смерть приюта.

Учительница Юань испытывала неприятные ощущения в сердце. Она подошла к паре и осторожно спросила: "А вы трое..."

Цзян Чандай самонадеянно улыбнулся и посмотрел на Учителя Юаня с презрением в глазах. "Мы здесь, чтобы встретиться с директором этого приюта и обсудить детали сноса".

Теперь все стало ясно: это были Цзян Чангдай и Янь Чжицин, а вместе с ними был Лу Вэйнин.

Учительница Юань почувствовала, как у нее упало сердце и упало выражение лица. Она холодно сказала: "Входите".

Как только ее слова упали, она открыла ворота и привела в дом Цзян Чандая, Янь Чжицина и Лу Вэйнина.

Старый директор и начальник Ян посмотрел в сторону трио, которое только что вошло в приют. Учительницы Юаня не было рядом во время празднования дня рождения, поэтому она не могла узнать Янь Чжицина и Лу Вэйнина, но старый директор мог.

Она была уверена, что никогда не видела Цзян Чангдая раньше, но она определенно могла узнать Янь Чжицин и Лу Вэйнин.

Однако, оба Yan Zhiqing и Lu Weining не поговорили к ей тот день. Одна из них была младшей сестрой Yan Beicheng, которая не любила Lin Chu и постоянно угрожала бы ей. Другая была женщиной которая явно вожделена после Yan Beicheng, поэтому она также не была хорошей персоной.

При этом было бы нетрудно угадать личность женщины среднего возраста рядом с Янь Чжицин. Добавьте это к чертам лица, похожим на Янь Чжицин, старый директор мог приблизительно определить личность женщины.

"Значит, вы директор этого приюта". Цзян Чандай подошел к кофейному столику и посмотрел прямо на старого директора, когда она говорила в высокомерном тоне.

Старый директор не встал с ее места, в то время как учительница Юань подошла, прежде чем прошептать старому директору: "Они сказали, что пришли поговорить о деталях сноса".

Старый директор произнес торжественное выражение и посмотрел на трех женщин, стоявших перед ней, прежде чем указать на диван. "Присаживайтесь".

Цзян Чандай сел, а Янь Чжицин и Лу Вейнинг сели с обеих сторон рядом с ней.

Цзян Чантай взглянул на письмо, которое держал в руках старый директор, и улыбнулся. "Здравствуйте, приятно познакомиться. Позвольте представиться, я мать Ян Бэйчэн, моя фамилия Цзян".

Старый директор спокойно кивнула головой. "Мисс Цзян".

Некоторым людям было просто неприятно находиться рядом, несмотря ни на что. Даже несмотря на то, что она никогда раньше не встречалась с Цзян Чандэй, и даже если она не практиковала концепцию сохранения хорошего первого впечатления, старый директор не смог заставить себя полюбить Цзян Чандэй, несмотря на то, что сегодня они встретились впервые.

Личность человека всегда можно было увидеть по тому, как он себя вел.

Старому директору было хорошо в ее годы, так что было много вещей, которые она больше не могла делать лично. Однако, когда она была моложе, она ходила во всевозможные места, чтобы собрать пожертвования для детского дома и детей, поэтому она видела все типы людей и получила и страсть, и апатию.

Изучая Цзян Чангдай, она могла ясно видеть свою личность.

"Я верю, что вы уже знаете детский дом и огромный двор рядом с ним, который скоро будет снесен". Цзян Чангдай насмешливо чихнул в спокойном лице старого директора, даже не потрудившись притвориться.

Заметив, что старый директор вытягивает губы в недовольную линию, Цзян Чангдай с гордостью выпрямился и продолжил: "Ответственный застройщик - компания, принадлежащая семье Цзян". Первоначально я не планировал сносить это место, но Линь Чу настаивает на свидании с Янь Бэйчэн, несмотря на то, что я не одобряю ее и не хочу, чтобы она стала моей невесткой. Я вежливо говорил с ней, но она не слушала, так что у меня не было выбора, кроме как приехать искать тебя".

Цзян Чандэй посмотрел перед ней на пустой кофейный столик. С тех пор, как они вошли, этот старый директор и учитель, который открыл для них дверь, не делали никаких шагов, чтобы налить им чаю.

Цзян Чангдай уже давно привыкла, что чай наливают из вежливости каждый раз, когда она посещала чужие дома. Тот факт, что она не получала такого же обращения здесь, вызвал у нее недовольство.

Однако она не понимала, что с таким отношением, как у нее, никто не будет охотно наливать ей чай!

Супервайзер Ян заметила, что вся эта ситуация была связана с личными делами Линь Чу. Старый директор практически считалась матерью Линь Чу, и хотя ей было довольно любопытно, что произойдет, она знала, что не должна оставаться.

Поэтому она сказала: "Старый директор, раз уж у вас гости, я сначала уйду".

Затем она встала и ушла.

Старый директор не остановил ее, а вместо этого послал к двери. "Заходите в следующий раз, когда будете свободны".

Она сказала это по привычке, так как каждый раз, когда к ней приходил друг, который останавливался поблизости, старый директор всегда говорил это, когда им приходилось уходить. Она говорила это не из вежливости, а из искренности, так как искренне надеялась,

что они скоро снова заедут.

Однако выражение старого директора касалось только произнесения этих слов.

Начальник Ян знала, почему; как только сиротский приют будет разрушен, как она снова зайдет?

Она также не знала, сколько еще визитов у нее осталось.

Как только эта мысль пришла ей в голову, лицо начальника Ян было одним из поражений, так как она больше не могла найти слов, чтобы говорить. Она подняла голову, чтобы увидеть морщинистое лицо старого директора, и вдруг почувствовала печаль в сердце, прежде чем ее глаза начали орошать.

Старый директор старел, так что даже если бы у нее было сердце, ей не хватало сил, чтобы бороться за сиротский приют.

Начальник Ян боялась, что она заплачет, если откроет рот, чтобы говорить, поэтому она быстро повернулась и ушла.

Старый директор вздохнул и увидел, как спина руководителя Ян исчезает за воротами, прежде чем она медленно повернулась.

Войдя в гостиную, она вновь выпрямилась, не желая показывать слабость перед Цзян Чандэй и ее отрядом.

Старый директор снова сел перед Цзян Чандэй. Минуту назад Цзян Чандай был прерван руководителем Яном, так что она не смогла закончить то, о чем говорила, и теперь она понятия не имела, как продолжать.

Старый директор не хотел, чтобы Цзян Чандай тратил время впустую, и хотел, чтобы она рассказала о своих делах и быстро ушла.

Таким образом, она сказала прямо: "Ты так и не смогла закончить, так что продолжай".

Цзян Чангдай взяла трубку с того места, на котором остановилась, и продолжила: "На чём я остановилась? О, да, мы говорили о Линь Чу. Я сказал Линь Чу, что хочу, чтобы она порвала с Ян Бэйчэн, но она не послушала. Разве она не только за деньгами Бэйчэна? Наверное, она думает, что расставание с ним не стоит того, чтобы стать его женой и сделать Бэйчэн полностью своей. Я знаю все ее коварные планы. Хуже всего то, что когда я сказал ей порвать с Beicheng, я предложил ей 1 миллион, а она не только приняла мои деньги и сразу же сняла их, она все равно не порвала с Beicheng после этого. Взяла ли она меня за дурака, у которого денег больше, чем смысла?"

Старый директор молчал. "..."

Она подумала о 1 миллионе, который Линь Чу дал ей до этого, и собрала все вместе, что деньги были от этой госпожи Цзян до нее.

"Из-за всего, что она сделала, я никогда не одобрю, чтобы она была вместе с Бэйчэном". Цзян Чандэй вытянула губы в тонкую линию, действие, напоминающее Янь Бэйчэн, хотя изгиб ее губ был более мягким и не таким сильным, как у Янь Бэйчэн.

Несмотря на это, выражение Цзян Чандэй было гораздо более резким.

Это могло произойти потому, что ей не нравился Линь Чу, или потому, что ее возраст догонял ее.

"Я слышал, что Линь Чу выросла и думает об этом приюте, как о своём доме, а ты - как о бабушке?" спросил Цзян Чангдай.

Старый директор бороздил ее брови, не мог понять, почему ей задали такой вопрос, и не ответил.

Она только услышала, как Цзян Чандэй резко щелкнул ее языком, прежде чем сказать: "В конце концов, она все еще сирота". Она не только смущается, она даже думает о сиротском доме, как о своем доме".

Старый директор заправил ей губы внутрь. Она знала, что у Цзян Чандэй не было ничего, кроме дурных намерений, и могла догадаться, с какой целью она приехала сегодня. Поскольку вежливость и вежливость по отношению к Цзян Чангдай оказалась бы бессмысленной, старый директор почувствовал, что ей больше не нужно быть вежливой.

Старый директор впервые проявил уродливое выражение и грубый тон. Она свернула губу в ухмылку и сказала: "Это просто потому, что Линь Чу лелеет старые воспоминания, в отличие от некоторых людей, которые ели их нравы собаками".

Выражение Цзян Чангдай сразу же начало смещаться между неожиданностью и сомнением.

Знает ли этот старый директор о том, что она делала в прошлом? Иначе она бы никогда не сказала что-нибудь подобное, чтобы высмеять ее!

Однако семья Янь никогда бы не позволила, чтобы семейный скандал был известен посторонним. Если только Линь Чу не говорила ей?

Старый директор действительно насмехался над Цзян Чандэй, но это было не то, о чем Цзян

Чандэй думал, что она насмехалась. Старый директор на самом деле оскорблял Цзян Чандэй, потому что она сделала шаг против приюта из-за некоторой личной обиды, ни разу не подумав о бедных детях, которые жили в нем.

http://tl.rulate.ru/book/32211/1019865